

«МАМА ЦИЛЯ»

Циля Иосифовна — самый близкий мне душевно человек в Библиотеке. Конечно, это сложилось не сразу, но, придя в Отдел библиотековедения и библиографии (так нас в январе 1959 г. переименовали), где она заведовала сектором библиографии, я сразу почувствовала душевную чуткость, органическую интеллигентность, неумение сказать сотруднику «нельзя», если к ней приходили не вовремя. А так было постоянно. Дверь не закрывалась. Каждый шел со своей проблемой, некоторые зачастую повышали голос, чему она совершенно не могла противостоять. Иногда беспомощно грозила увольнением, но никто всерьез этого не опасался, правильно воспринимая такие угрозы как «фигуру речи». Особенно это усилилось, когда с января 1968 г. она стала заведовать Отделом научно-информационной и рекомендательной библиографии (ОНИРБ, позднее Отдел библиографии и книговедения — ОБиК).

Циля Иосифовна, Цилечка — как я ее за глаза называла, а иногда «мама Циля», была для меня все же начальством, а с начальством я амикошонствовать не привыкла, однако постепенно произошло сближение. Этому способствовала в немалой степени дачная жизнь летом в Репино, где мы оказались в довольно близком соседстве. Начались ежедневные визиты не по практической необходимости, а, как правило, просто из желания видеться. Мне было с ней интересно: она очень любила поэзию, вообще настоящую литературу. У меня первой на нашей улице появился городской телефон, так как отец был инвалидом войны первой группы. Циля Иосифовна ежедневно приходила звонить своим родным, о которых, особенно о внучатом племяннике Толе, очень пеклась. Потом начиналось чаепитие. Когда я приходила к ней, она часто угощала меня вкусным компотом. На даче жила сначала с мамой, потом с сестрой, а когда обе умерли, с Толей, которого обожала, и с его женой.

Она вообще излучала теплоту. Кое-какие события мы вместе отмечали, например, появление у нее черного котенка с белым брюхом, который прибыл однажды с помойки и категорически поселился в доме. Мне казалось: он понимает, что такая добрая хозяйка его, несчастного, выгнать не сможет, и не ошибся. Окрестили его Шмендрик, что в переводе с идиш означает парнишка. Циля Иосифовна очень к нему привязалась и безропотно терпела всяческие его «любезности». Как-то он принес ей в подарок мышонка и положил на подушку. Дело было среди ночи. Легко представить себе ее реакцию на такой «дар».

Мы много гуляли вместе, говорили о разном, совершенно доверяя друг другу. Особенно интересно было беседовать о культурных и нравственных явлениях, потому что мы об очень многом, особенно в плане нравственном, думали одинаково.

Циля Иосифовна была стержнем всей своей семьи, преданно и сверх сил ухаживала за матерью, сестрой, племянницей — Толиной мамой. Она была человеком высокого морального долга во всем, себя защитить не умела. И другом она была исключительно преданным.

Почти ежегодно Циля Иосифовна читала доклады на традиционных научных конференциях Библиотеки. Всегда была в них глубина, нетрадиционный подход к теме.

Хочу еще сказать, что при всем нашем очень теплом отношении друг к другу это никак не сказывалось на отношениях рабочих. Помню, как она, читая мои отчеты за год, где все очень приблизительно сходилось или не сходилось вообще, сердито говорила: «Когда я читаю Ваши отчеты, нет такого дерева, на котором я не хотела бы Вас повесить».

Некоторые упрекали Цилию Иосифовну в осторожничаньи, отсутствии бойцовских качеств. В какой-то мере это правда, но ведь какое время было! На ней же лежала ответственность за нормальную жизнь отдела.

Я не просто ценила ее как настоящего историка, вынужденного в свое время пробиваться сквозь «космополитические» преграды, лишившегося аспирантуры на нашем с ней общем истфаке, пришедшей в Библиотеку на роль, не соответствующую ее уровню. Во многом наши судьбы оказались схожими, и ее пример давал надежду на самоосуществление.

Покоряла мягкость ее натуры, даже неумение противостоять хамству. Может быть, это не Бог весть какое достоинство, но я сама такая, и это нас сближало.

В конце жизни Цилия Иосифовна, тяжело больная, очень стойко все переносила, стараясь занимать как можно меньше места в жизни ухаживающих за ней близких. Умерла в Рождество. Может, в этом есть элемент мистики? Когда мы с моим ближайшим другом А. Н. Масловой, увы, тоже уже покойной, бывали на Еврейском кладбище «у своих», всегда подходили к ее могиле.

Отметили посмертно ее 90-летие специальным заседанием. Я прочитала довольно длинный доклад о ней как ученом. Алина Михайловна Третьяк очень живо рассказала об окружении Грин, ее подругах, которые составили «Общество взаимного восхищения». Все мы понимали, что ОБиК под началом Грин — это один из самых ярких периодов его общей истории¹.

¹ Чтения о выдающихся библиографах, посвященных Ц. И. Грин, организованных Российской национальной библиотекой совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН к 90-летию со дня ее рождения в декабре 2011 г. открыл заместитель генерального директора по научной работе В. Р. Фирсов. Были заслушаны доклады О. С. Острой и Т. Н. Суздальцевой, выступили Л. Б. Вольфцун, Р. Ш. Ганелин, В. Е. Кельнер, Н. К. Леликова, М. А. Мамонтов, И. Х. Саксонова, И. В. Сахаров, А. М. Третьяк.